

Едва оказавшись на пашне, старый вол неловко переступил с ноги на ногу. Поначалу он шел неровно, увязая в земле, но шедший рядом стражник вовремя направлял его. Приноровившись, животное уверенно потянуло упряжь вперед.

Пройдя немного, толпа зевак не выдержала и разразилась восторженными криками:

— Борозды! Смотрите, как пласт берет! Сырая земля из-под самых корней наружу лезет!

— Сразу три борозды! По обе стороны выворачивает, все разом!

— Святая Матушка заступница! Ну и прыть!

— Батюшки, да он прямо летит!

В одно мгновение тихий шепот толпы сменился восторженным гулом.

Для этих людей земля была самой жизнью. Сломался ли у кого-то лемех, занемог ли бык — подобные мелочи становились главными новостями, которые часами обсуждали за скудной трапезой. Каждый день их мысли вертелись вокруг простых забот: сколько сил отдать полю, сколько внести удобрений да ладно ли плуг рыхлит сухую почву.

Поэтому, когда Уездный судья Цзян объявил, что на пустошах будут сеять траву, уездные обыватели не шутя струхнули. Они опасались, что новый уездный судья, не смыслящий в крестьянском труде, заставит их засеять этой травой собственные наделы. И лишь когда поняли, что принуждать никто не собирается, наконец облегченно вздохнули.

Теперь же, воочию узрев плуг, способный разом прокладывать три борозды, крестьяне пришли в неопишуемый восторг. Самые нетерпеливые бросились следом, спотыкаясь о комья. Глядя на темную, лоснящуюся от влаги землю, они едва сдерживали слезы. Не обманул! Плуг и впрямь работал!

По толпе пополз благоговейный шепот: Уездный судья Цзян — не иначе как звездный владыка, сошедший на землю!

Те, кто был посметливее, уже начали прикидывать, нельзя ли будет одолжить это диво в управе — пускай даже без казенного быка, на своих двоих управиться можно. Пусть этот тяжелый плуг идет чуть медленнее привычного изогнутого плуга, зато он делает тройную работу! Какая разница, что медленнее? Сколько сил сэкономит! Сколько времени сэкономит! К тому же лемех берет глубоко, выворачивая сорняки с корнем с первого же захода. Если сорной травы по весне будет меньше, она не станет вытягивать соки из земли, и рисовая рассада пойдет в рост сильной да сочной.

На межах то и дело взрывались восторженные возгласы.

Помощник судьи Чжоу Цюань, всегда отличавшийся степенностью, теперь не удержался: подался вперед и опустился на корточки прямо у края пашни. Не заботясь о том, что полы дорогого халата волочатся по грязи, он погрузил ладонь в свежую борозду и восторженно выдохнул:

— Насквозь сырая! Идет ровно, пласт держит крепко. Чудо, а не плуг! Ох, хорош!

Регистратор Ян Линь, до этого исходивший глухой злобой, застыл с разинутым ртом, не в силах вымолвить ни слова.

Этот неказистый деревянный каркас и впрямь оказался плугом! Цзян Умянь не солгал: диковинная штуковина пахала, да еще как быстро и ладно!

В груди Ян Линя поднялась удушливая волна зависти. Почему все лавры достаются этому выскочке?!

Крестьяне обратили полные надежды взгляды на стоявшего в центре толпы Цзян Умяня, однако тот, вопреки ожиданиям, хмурился. С таким же озабоченным видом рядом с ним стоял советник Цзян Цю, просматривавший счетные книги.

— Себестоимость слишком высока, — покачал головой советник. — Нам не удастся внедрить его повсеместно.

Чтобы пустить вещь в народ, она должна быть дешевой. Кое-кто из бедняков до сих пор пользовался первобытными каменными лемехами — сами подбирали подходящие валуны на реке и обтесывали их, чтобы сэкономить медную монету. Новый плуг для заливных полей хоть и работал втрое быстрее, стоил непомерно дорого. А если оснастить его железным лемехом, цена взлетала до небес.

Морщина на лбу Цзян Умяня медленно разгладилась:

— Будем сдавать внаем. Либо разберем на секции и заменим тройной лемех на одинарный. Поступим точно так же, как с арендой казенного скота.

У него в запасе всегда имелись решения для работы с простым людом.

Не можешь купить целый — бери в аренду. Не по карману большой плуг — бери усеченный, с одной секцией. Нет денег на вола — пусть работают двое крестьян: один тянет спереди, другой направляет сзади.

— Тех, кто способен выложить за него всю сумму, у нас немного, — рассуждал Цзян Умянь. Особенно теперь, когда главы четырех богатых семейств отправились в казематы. — С арендой же дело пойдет на лад. Пропишем четкие правила, и спрос будет огромным.

"Спрос?" — Цзян Цю на мгновение растерялся, но быстро смекнул, что уездный судья имеет в виду выгоду и готовность людей платить.

Толпа вокруг затихла. Хотя некоторые мудреные слова господина уездного судьи крестьяне слышали впервые, суть предложения они уловили сразу: аренда!

Цзян Умянь зрел в корень. Едва заведя этого неподъемного деревянного монстра со сложным механизмом, простые люди сразу же подумали о прокате. Вопрос стоял лишь в цене.

Плуг для заливных полей — вещь громоздкая, да еще и диковинная. Сломайся в ней что-нибудь — ни один местный мастер не разберется, как чинить, да и неизвестно, возьмут ли казенные мастера ремонт на себя. Поэтому никто из собравшихся и помыслить не смел о покупке.

— Все подробности уездная управа изложит в указе, который мы вывесим в ближайшие дни, — объявил Цзян Умянь, обведя взглядом жадные до новинки лица. — Могу лишь пообещать: плата за наем будет чисто символической.

Даже если оснастить плуги железными наконечниками, Цзян Умянь не собирался задирать цену на аренду. Управа вполне могла пережить незначительные убытки на первых порах, ведь основную прибыль он планировал извлечь вовсе не из крестьянских кошельков. Главное — пустить добрую молву по округе, и тогда богатеи сами приползут с мешками золота.

Сейчас же первостепенной задачей было выковать железные лемехи, чтобы обновить плуги для заливных полей и успеть распределить их по уезду Шаоюань до начала сева позднего риса.

— Ли Е, — позвал Цзян Умянь стражника, который лучше всех знал местные порядки. — Скажи, кто из городских кузнецов искуснее прочих кует земледельческие орудия?

Ли Е мысленно перебрал уцелевших в уезде мастеров и уверенно ткнул пальцем:

— Есть тут один умелец по фамилии Чэнь, зовут Чэнь Даню. Он из деревни Чэньцзя воротился. Его топоры да мотыги верой и правдой служат годами. Работу делает на совесть, железо не жалеет и сроков не срывает. Ступайте к нему, ваша честь, не прогадаете!

Кузница семейства Чэнь встретила гостей жаром и тяжелым запахом окалины.

Когда Цзян Умянь и советник Чжао Чэн переступили порог, кузнец Чэнь Даню с обнаженным по пояс торсом, обливаясь потом, как раз опускал раскаленное железо в кадку с водой для закалки. Судья скользнул взглядом по заготовке — похоже, ковался тяжелый топор.

— Дядюшка, обожди! Топор еще не готов! — гаркнул Чэнь Даню, даже не подняв головы.

Судья торопить кузнеца не стал. Он прошел вглубь мастерской и остановился под стеной, сплошь увешанной готовой продукцией, внимательно оглядывая помещение. Повсюду громоздились железные чушки, бесформенные заготовки, шербатые плуги, ждущие ремонта, тяжелые молоты... Словом, обычная кузница, грубая и надежная.

Закончив с закалкой, Чэнь Даню почувствовал неладное. Обычно ворчливый старик-клиент принимался костить его на чем свет стоит за то, что тот работает без передышки и забывает о еде, но сегодня в кузне стояла мертвая тишина.

Обернувшись, кузнец обомлел. У входа стоял грозный стражник в красно-черном форменном кафтане и свирепо таращил на него глаза. Заметив, что кузнец наконец соизволил повернуться, стражник выразительно кивнул в сторону гостя и беззвучно, одними губами прошептал: "Господин уездный судья!"

Чэнь Даню мгновенно прошиб холодный пот. Ну надо же было так опростоволоситься! Пропала его голова!

Цзян Умянь поднял взгляд, переводя взор со стены на пышущий жаром горн:

— Пустяки. Я пришел к тебе по делу: нужно изготовить кое-что из железа.

"Железо? Сам господин уездный судья пожаловал к нему с таким заказом?!"

Чэнь Даню, стоявшему возле пылающего горна, внезапно показалось, будто по спине пробежал ледяной сквозняк. Ему сразу представилось худшее: сейчас новый уездный судья прикажет выковать партию боевых мечей, копий или алебард. Отказать чиновнику он не посмеет, а когда работа будет выполнена, его попросту уберут как ненужного свидетеля...

И ведь было с кого брать пример! Прежний уездный судья каждый год тайно заказывал оружие у местных умельцев. Товарищ Чэнь Даню, с которым они вместе начинали учениками, как-то раз взялся за такой заказ, а после бесследно исчез. Родне сказали, будто парень разбогател и подался в родные края. Но Даню знал правду: бедолага давно гнил на дне реки Байюэ.

Хранить подобные тайны приходилось за семью печатями. С тех пор Чэнь Даню всячески избегал любых встреч с чиновниками и никогда не откликался на призывы управы. Так и выживал. Когда до города дошли слухи, что прежний уездный судья принял лютую смерть и от него даже костей не осталось, Даню, чего греха таить, облегченно вздохнул. Но не успел он перевести дух, как на пороге объявился новый уездный судья!

— Господин уездный судья... Вы... Вы желаете заказать железные орудия? — заикаясь, переспросил он.

Цзян Умянь на мгновение замолчал, а затем указал на один из простеньких лемехов, висевших на стене:

— Лемех. Для вспашки земли.

Чжао Чэн протянул кузнецу деревянную заготовку:

— Сможешь изготовить по этому образцу литейную форму?

Чэнь Даню торопливо вытер потные ладони о штаны, усадил гостей на колченогую скамью и бережно принял деревянную деталь. Он вертел ее и так и эдак, разглядывая со всех сторон, и наконец сдавленным голосом произнес:

— Господин судья... низайший слуга никогда прежде не ковал ничего подобного...

"Уж лучше бы заставил мечи ковать!" — в панике подумал кузнец. Об этой штуковине он даже краем уха не слыхивал.

И немудрено: изогнутый лемех подобной формы появлялся в Великой Чжоу впервые. На привычных изогнутых плугах лемех состоял из плоского отвала и острого наконечника, образуя простую V-образную форму. В новом же плуге для заливных полей лемех имел сложную изогнутую поверхность, которая плавно резала пласт земли и переворачивала его, формируя ровную гряду.

Чэнь Даню сжимал в огрубевших пальцах деревянный брусок изогнутого лемеха, и сердце его уходило в пятки. Слава о новом уездном судье в Шаоюане ходила самая противоречивая. Еще недавно кумушки шептались, будто господин Цзян — выходец из самого Фэнду, бледен как мертвец и забирает у всякого встречного и жизнь, и кошелек. Чуть позже поползли иные слухи: дескать, это благодетельный звездный владыка спустился на землю, дабы избавить народ от голодной смерти. Кто же на самом деле стоял перед ним сейчас?

Уездный судья Цзян задумчиво созерцал мерцание углей в горне.

— Попробуй для начала, — негромко проговорил он. — Не выйдет — взыскивать не стану. — Затем, бросив еще один взгляд на огонь, спросил: — Вы здесь всегда на древесном угле куете?

Этот вопрос занимал его мысли уже давно. В прежней жизни его база находилась на севере, где ископаемого угля было в избытке. Там никогда не знали забот с топливом: ни при плавке руды, ни при зимнем обогреве. Но судьба забросила его в Линнань, край глухой и обделенный залежами угля. Прежние, проверенные временем методы плавки здесь были бесполезны.

Цзян Умянь твердо знал: уезду Шаоюань нельзя уповать лишь на продажу сырой руды. Торговля сырьем никогда не приносила настоящих богатств, золото куется там, где из этого

сырья создают готовый товар. Конечно, по меркам Великой Чжоу качественное железо ценилось высоко, и казна уезда не пустовала бы, продавай они чистую руду. Однако такая торговля недолговечна. Без перерабатывающего ремесла уезду вовек не подняться.

Если Шаоюань желает затмить соседние уезды и превратиться в процветающий край, ему нужно обрести собственное уникальное лицо. И выплавка металла вместе с новыми железными плугами для заливных полей — лишь первый шаг на этом пути.

Чэнь Даню решительно не понимал, к чему клонит чиновник, но ответил без утайки:

— Да, ваша честь, испокон веков на древесном угле работаем. Разгорается он от одной искры, сырости не боится, в дождь не гаснет. А если и затухнет горн, растопить его заново — дело недолгое и нехитрое.

Цзян Умянь кивнул, пристально рассматривая старый горн. Один за другим посыпались вопросы: как устроен мех, при какой температуре ведется закалка, сколько раз проковывается заготовка. Поначалу Чэнь Даню робел и запинаясь, но вопросы судьи становились все более точными и глубокими. Увлечшись привычным делом, кузнец позабыл о чинах и званиях своего собеседника и заговорил свободно, со знанием дела.

Когда расспросы наконец прекратились и в кузнице повисла тишина, Чэнь Даню внезапно пришел в себя.

"Святая Матушка заступница! Да что это я разболтался!"

Ему и в голову прийти не могло, что уездный судья — благородный муж, знаток древних канонов и изящной словесности — будет сидеть в душной, закопченной кузне у раскаленного горна и с упоением рассуждать о тонкостях кузнечного ремесла! И ладно бы тот просто притворялся ради вида! Нет, Цзян Умянь спрашивал о вещах насущных, да и сам толк в деле понимал — с ходу назвал точное время для закалки стали и подметил такие тонкости, о которых сам Даню за долгие годы работы ни разу не задумывался.

Кузнец растерянно смотрел на гостя: "Кто же передо мной? Подмастерье кузнечный или уездный судья? Откуда в нем эта мудрость? Уж не служил ли господин судья в чертогах небесных покровителем кузнецов?"

Сам же Цзян Умянь предавался невеселым думам. На первое время древесного угля хватит, но если развернуть дело шире, прожорливые печи потребуют столько дров, что цветущий Линнань за несколько лет превратится в безжизненную пустыню, подобную Лессовому плато на севере. К тому же, если нефть в будущем станет кровью промышленности, то сейчас уголь был тем самым сердцем, что заставляло эту кровь бежать по жилам. Без угля не заложить фундамент индустриального уклада.

Но где взять каменный уголь в Линнане? За все время службы здесь он ни разу не слышал о

подобных залежах. Чэнь Даню — потомственный мастер, и если уж он качает головой, значит, в префектуре Нанькан угля точно нет. Конечно, здешние места славились сильными ветрами, но построить ветряк для выработки электричества голыми руками он при всем желании не мог. Оставался один путь — везти уголь из других краев.

Оставив деревянный лемех кузнецу с наказом сделать пробный слепок, Цзян Умянь вернулся в управу. Всю дорогу он напряженно размышлял, как наладить доставку угля с далекого севера. В его планах по переустройству уезда Шаоюань этому ресурсу отводилась главная роль.

Впрочем, дело было не только в угле. Ему нужен был металл — много хорошего металла. Лишь обретя прочную сталь, Шаоюань сможет обзавестись надежным оружием для ополчения, защитить свои границы и полностью заменить примитивные деревянные сохи на прочные железные плуги, подняв урожайность земель. Но для выплавки качественного чугуна и стали требовался кокс — продукт сухой перегонки каменного угля, который ни за что не получить из обычных дров.

"Пока обойдемся древесным углем, но караванный путь на север нужно прокладывать немедленно, — выводил он в своих записях, намечая план дальнейших действий. — Заодно подготовить проект плавильных мастерских, выбрать место для кузнечного двора, разметить бараки для рудокопов..."

Заботы наваливались лавиной. У Цзян Умяня голова шла кругом. Даже теперь, когда у него появились и средства, и провизия, и рабочие руки, превращение дикого Шаоюаня в процветающий край требовало колоссальных усилий и времени.

Пока он предавался этим безрадостным думам, на пороге кабинета появился взволнованный советник Чжан Жун.

— Господин уездный судья! — с порога объявил он. — Прибыли люди генерала Сюэ Вэня! Обоз с казенным зерном для пострадавших от наводнения уже у ворот города!

<http://bllate.org/book/19045/1950722>